

УДК 393

Эвенкийские культовые хозяйственные и погребальные строения Катангского района (по материалам Г.С. Уткина)

Д.К. Бондарева

Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары,
ул. Комсомольская, 38, Братск, Россия
rimava.9191@inbox.ru

Статья поступила 31.10.2019, принята 08.11.2019

В статье выясняются особенности захоронений эвенков Катангского района, в частности, описываются захоронения-гобчики, воздушные захоронения, кенотафы, а также культовые хозяйственные постройки. Отдельное внимание уделено шаманским захоронениям и связанным с этим суевериям. Выделены характерные особенности комплекса деревянных фигур на захоронениях и интерьера шаманских надмогильных сооружений. Объясняется назначение крестов на шаманских захоронениях.

Ключевые слова: Катангский район; эвенки; шаманизм; захоронения; гобчики; кенотаф; лабаз; культовые постройки; надмогильные сооружения; суеверия; традиции; Г.С. Уткин; надмогильный крест.

Evenk's cult household and funerary structures of the Katanga region (based on the materials of G.S. Utkin)

D.K. Bondareva

Bratsk Municipal Joint Museum of the History of the Development of the Angara;
38, Komsomolskaya St., Bratsk, Russia
rimava.9191@inbox.ru

Received 31.10.2019, accepted 08.11.2019

The article reveals the peculiarities of the Evenki burial places of the Katanga region, in particular, describes the 'gobchik' burials, air burials, cenotaphs, as well as iconic outbuildings. Special attention is paid to shamanistic burials and related superstitions. The characteristic features of the complex of wooden figures at burials and the interior of shamanic grave structures are highlighted. The purpose of the crosses at shamanistic graves is explained.

Keywords: Katanga region; Evenks; shamanism; burial places; gobchik; cenotaph; shed; cult structures; gravestones; superstitions; traditions; G.S. Utkin; grave cross.

В современной России сохранение истории, культуры, быта и традиций коренного малочисленного населения регионов является одним из приоритетных направлений исторических и этнографических исследований. Данную цель преследует и Русское географическое общество [1]. Как известно, данные народы подвержены влиянию внешних социально-экономических факторов, что приводит к исчезновению культурного пласта малочисленных народов. В связи с этим изучение и исследование наследия малочисленных народов представляется наиболее актуальным направлением исторических и этнографических исследований.

Одним из малочисленных народов Сибири являются эвенки, проживающие на территории Крас-

ноярского края, Иркутской области, Республики Якутия и ряда регионов Дальнего Востока. К XXI в. большая часть эвенкийского населения была вынуждена под натиском цивилизации уйти в северные регионы страны — тундры. Тем не менее, часть народа продолжает проживать на таежной территории, в Катангском районе Иркутской области.

Изучением данной группы эвенков занимался исследователь Геннадий Семенович Уткин (1938–2016), сотрудник Братского историко-краеведческого музея. Г.С. Уткин проводил этнографические исследования района с 1970-х гг., в результате накопился богатый этнографический материал. Последние исследования Г.С. Уткин проводил в первой половине 1980-х гг. Эти даты представ-

ляют собой границы хронологических рамок данного исследования.

Отдельной категорией материальной культуры эвенков следует выделить культовые хозяйственные и погребальные сооружения. Изучение данной категории культуры эвенков связано с рядом трудностей. Во-первых, это труднодоступность и труднопроходимость Катангского района. Ряд построек находился в глухой тайге, в связи с чем было физически невозможно провести замеры и фотофиксацию. Во-вторых, суеверные взгляды местного эвенкийского населения на культовые строения и захоронения не позволяли им выступать в качестве проводников для исследователей. Тем не менее, в ходе ряда экспедиций 1970–80-х гг. Г.С. Уткину удалось обнаружить и описать несколько шаманских захоронений и культовых хозяйственных построек. Помимо этого удалось собрать несколько примет и поверий, связанных со смертью и захоронением усопших. К примеру, у эвенков было «такое поверье, если кто-то умрет из сородичей, они его похоронят недалеко от стойбища и больше сюда не вернуться, больше здесь не живут» [2, л. 3 об.].

Примером может служить захоронение-гобчик по правому берегу р. Нижняя Тунгуска. Гобчик интересен и уникален своим устройством: «изготовлен из бревен, с западной стороны к нему прислоняется деревянный ободок к бубну, который имеет яйцевидную форму. Слева наклонно положено на гобчик сделанное из колотой дранки конусообразной формы весло с одной лопатней» [2, л. 22]. У захоронения также присутствовал крест с восточной стороны, изготовленный из тонкого бревна в форме копья с перекрестием. Описание шаманского захоронения совпадает с составленным В.Я. Шишковым в 1911 г. [2, л. 22 об.]. Судя по ободку бубна, можно предположить, что данное захоронение принадлежало шаману. Кроме того, крест, расположенный с восточной стороны, мог служить символом перехода душ из нижнего мира в средний (перекрестье) по остову креста.

Шаманские захоронения, как видно из предыдущего примера, предпочитали размещать глубоко в тайге. Так, в труднодоступном месте на р. Чона располагалось шаманское захоронение-гобчик рода Сычегир [2, л. 33, 33 об.]. Захоронение представляло собой гобчик с целым комплексом деревянных скульптур. Сруб был выполнен из колотых лиственничных толстых плах, крыша — из дранки с полукруглой вершиной. Примечательны и размеры захоронения — 270 см в высоту и такая же длина каждой стены. Захоронение имело дверцу, ориентированную на восток. Гобчик окружал комплекс орнито- и зооморфных фигур [2, л. 32, 32 об.]. Крышу украшали пять фигур птиц, на вершине крыши была помещена фигура лебедя,

остальные птицы — орел, гагара, ястреб, кукушка. Вход в гобчик охраняли фигуры орла и гагары. Примечательно, что такие фигуры-этаны являлись помощниками шамана при проведении обрядов. В надмогильном шаманском сооружении они были установлены головами в разные стороны, «наблюдая» за происходящим со всех сторон. Зооморфные фигуры представлены лосями-матками длиной по 200 см, головы ориентированы на восток.

Рядом с захоронением также находился крест высотой 150 см. Эвенки этим крестом изображали лиственницу «туру», которая считалась шаманским деревом. Крест имел одну перекладину, что открывало духам — помощникам шамана возможность подняться из нижнего мира лишь в мир средний, где проживали родственники шамана. По логике эвенков, духи-помощники, поднявшись в средний мир, должны были найти среди родственников шамана его последователя и передать ему шаманский дар.

Отдельный интерес представляет деревянная куполообразная фигура высотой 130 см, установленная справа от дверцы в гобчик. Нижняя часть фигуры представляет собой граненый конус, верхняя — граненый купол. Купол разделен на три части горизонтальными полосами. Можно предположить, что пространство между полосами символизирует собой три мира эвенкийского мироустройства: верхний, средний и нижний. Однако местные эвенки трактовали данную фигуру иным образом: купол представлял собой верхний мир, разделенный горизонтальными полосами на «подмиры». Конус представляет собой средний мир, который входил в верхний мир. Предположительно, такое размещение должно было помочь душе шамана перейти из одного мира в другой. Основание фигуры было закопано в землю. Эта часть символизировала нижний мир [2, л. 45].

Внутри гобчика находились вещи шамана, на задней стенке помещался его костюм, рядом — бубен, лук и колчан со стрелами. В гобчике были пальма и рогатина. Само захоронение помещалось в центре гобчика в форме «грядки».

Некоторые шаманские захоронения располагались недалеко от населенных пунктов. К примеру, захоронение шамана Н.А. Бояршина, умершего в 1937 г., находилось недалеко от урочища Кокорина на р. Пашня. Племянница шамана В.Б. Салаткина рассказала, как проходил обряд захоронения шамана. По завершении обряда в жертву был принесен олень, шкура и рога которого после были растянуты на перекладинах и составляли подобие чучела. Данное чучело осталось на захоронении как часть надмогильного сооружения в виде гобчика [2, л. 46 об., 47].

Надмогильные сооружения простых эвенков отличались от шаманских прежде всего отсутствием дополнительных деревянных фигур и интерьера. В районе эвенкийского пос. Чувакар были обнаружены два гобчика. Особенности постройки данных захоронений заключалась в кровле шатрового типа, выполненной из дранья. Сами гобчики были выполнены из колотых плах. Примечательно, что поверх кровли был установлен небольшие луковидные «купола» с крестами. На одном из крестов выполнены пятиконечные звезды. Данное захоронение принадлежало членам эвенкийского рода Сычегир, известного в Катангском районе и Приангарье своими шаманами. Стоит отметить, что к 1980-м гг. эвенкийское население практически не посещало данные угодья, несмотря на обилие пушного зверя и хорошие пастбища. Это можно связать с суевериями эвенкийского населения и страхом перед захоронениями шаманского рода. Тем не менее, русские охотники на данных участках размещают свои зимовья [2, л. 12].

Несмотря на традицию не хоронить умерших рядом со стойбищем, некоторые эвенки делали захоронения родственников в непосредственной близости от стоянки. Примером могут служить захоронения на р. Большой Омук [2, л. 21 об.], р. Умотка (приток р. Верхняя Кочема), в которых покоится супружеская пара из рода Монго. Род Монго некогда осваивал территории по рекам Средняя и Верхняя Кочема, но был вытеснен на север русскими охотниками [2, л. 9]. Подобное размещение захоронений вблизи от стойбища наблюдалось и возле урочища Чувакар, на родовом кладбище семьи Монго. В этом месте были сооружены три гобчика. Первый имел небольшие размеры относительно двух других — 150 см в длину и 75 см в высоту. Выполнен был из колотых плах, крыша крыга продольными плахами. Крест перед данным захоронением установлен не был. Второе захоронение имело большие размеры — 300 см в длину, 200 см в ширину, 220 см в высоту. Выполнено было из колотых плах, имело двускатную крышу. С восточной стороны установлен крест с тремя перекладинами (нижняя наклонена на юг). Высота — 300 см. Размеры третьего захоронения не уточнялись, однако они были «значительно больше второго» [2, л. 9]. Гобчик был изготовлен из колотых плах, имел двускатную крышу, крытую дранкой. Перед гобчиком был установлен крест высотой 300 см.

Таким образом, можно предположить, что первое небольшое захоронение — детское, перед ним не был установлен крест. Эвенки Катангского района выбирали тип захоронения «гобчик» не только для взрослых, но и для детей. В 1978 г. в ходе экспедиции было обнаружено детское захоронение-гобчик, сооруженное недалеко от зимо-

вья русского охотника [2, л. 6 об.]. Перед взрослыми захоронениями рода Монго располагались кресты с несколькими перекрестиями. Один из крестов — русский православный (восьмиконечный), что говорит о принятии православия усопшими эвенками.

Обнаружить целый ряд эвенкийских захоронений Г.С. Уткину удалось в ходе экспедиции 1973 г. в месте под названием Качема, расположенном в более чем 250 км от с. Ербогачен, а также в окрестностях самого села [3, л. 2]. Захоронения-гобчики с крестами были обнаружены и на р. Качема. Сами по себе гобчики имели значительные размеры — высота 220 см, длина 300 см. Крест располагался с восточной стороны от захоронений, имел высоту 310 см [4, л. 12]. На берегу р. Илимпей, недалеко от пос. Чувакар, было обнаружено два гобчика с крестами. Оба гобчика имели форму сруба, были изготовлены из плах, крыша — двускатная [5, л. 2 об.]. В районе урочища Старый Доктор также было обнаружено эвенкийское надмогильное сооружение с крестом. Гобчик был выполнен из колотых плах, крыша — колотая плаха. Фасад имел форму треугольника. На крыше был установлен крест с двумя перекладинами. Крест сложный по конструкции, с двумя куполами в центре основного шеста. Сверху — небольшой крест с одной перекладиной [6, л. 13, 26].

Еще один тип захоронений, распространенный среди эвенков Иркутской области, — воздушный. Такое захоронение располагалось на сваях различной высоты и представляло собой расколотое надвое и выщербленное изнутри бревно. Подобное захоронение диаметром 55 см и длиной 130 см было обнаружено около урочища на оз. Якогно [2, л. 19 об.]. Интересно также, что среди местных эвенков существовало мнение, что это — детское захоронение.

Стоит отметить, что табуированность ряда захоронений была связана не только с суеверными страхами, но и с легендами. К примеру, предположительно детское захоронение на урочище оз. Якогно имело следующую легенду: разместив новое стойбище на берегу озера, эвенки не задобрили духа водоема. Из-за этого дух стал забирать членов семьи. Одним из погибших и стал ребенок. Опасаясь мести духа, эвенки перестали селиться на берегах озера [2, л. 12].

Как отмечает И.А. Арбатская, «воздушный тип захоронений и совершаемые при этом обряды сохраняются среди эвенков в некоторых местах вплоть до начала XX столетия. И в наши дни старшее поколение сохраняет некоторые обрядовые действия» [7]. Тем не менее, как показывает экспедиционный материал, собранный в Катангском районе, воздушный тип захоронений встречался реже, чем захоронения-гобчики.

У эвенков Катангского района известен еще один тип захоронения шаманов, без тела покойного — кенотаф. В таком случае на дереве вырезался лик шамана, перед деревом помещался лабаз для жертвенной пищи. Как правило, такие кенотафы имели сакральное значение, так как эвенки перед охотой просили у лика шамана [8, с. 172].

С приходом в Ангаро-Енисейский регион русскоязычных людей, которые преследовали не только цели присоединения территорий, но и миссионерские, началось распространение православного христианства среди коренного эвенкийского населения [9, с. 147]. К XX в. среди эвенков Катангского района были распространены как православные, так и эвенкийские типы захоронений. Захоронения-гобчики характерны как для русского [10, с. 195–198.], так и для эвенкийского населения Сибири, однако православные захоронения и захоронения эвенков-шаманистов отличаются интересом.

Изучить захоронения эвенков, принявших православие, Г.С. Уткину удалось в ходе экспедиции в 1974 г. На удалении 70 км от д. Ика было обнаружено разрушенное захоронение зажиточного эвенка Б. Колобовшина. Оно представляло собой часовню в окружении «большого количества деревянных божков» [11, л. 3]. Таким образом, захоронение совмещало в себе элементы православной религиозной культуры и пережитки эвенкийского шаманизма. Стоит также отметить, что в самой д. Ика исследователь выкупил у местного населения серебряный крест, что также говорит о распространении православного христианства на территории Катангского района.

О попытках соблюдения канонов православного захоронения свидетельствуют еще два захоронения-часовни, обнаруженные в 1974 г. в месте Коняк в районе с. Наканно. По данным Г.С. Уткина, «в последней часовне захоронен глава рода Кондогир, проводник экспедиции Чекановского по р. Нижней Тунгуске и Оленек — Овачан» [11, л. 3]. Интересно и описание внутреннего убранства помещения. Описано, что внутри часовни был установлен высеченный из камня памятник, привезенный еще в годы Российской империи местным купцом. Также рядом с часовней располагались захоронения-гобчики.

Среди населения Катангского района Иркутской области принятие православия эвенками-шаманистами было достаточно распространено, о чем свидетельствуют рассмотренные выше типы захоронений. Тем не менее, процесс перехода из одной религии в другую был характерен не только для эвенков, но и для русских, которые переходили в эвенкийский шаманизм, создавая синтез православия и шаманизма. Примером следует

обозначить капище в районе урочища Старый Доктар. Здесь были установлены четыре антропоморфные фигуры, называемые эвенками «куклы». Интерес представляет тот факт, что данное капище принадлежит русской семье, отошедшей от православия после переселения в Катангский район в конце XIX в. Как и фигуры на захоронениях эвенков, данные «куклы» были выполнены из лиственницы. Антропоморфные фигуры были наряжены в одежду покойных, на месте проводился обряд «кормления», о чем свидетельствуют многочисленные кости крыльев и хвостов птиц в районе капища [6, л. 13]. Данный тип захоронения нельзя считать эвенкийским в полном смысле, так как для коренного населения Катангского района не было характерно создание капищ. Там не менее, способ изготовления и материал фигур, облачение в одежды и «кормление» характерны для эвенкийского шаманизма.

Помимо захоронений, к культовым постройкам эвенков Катангского района относятся специальные свайные лабазы «гулик». Такие лабазы изготавливались из накатника и, как правило, размещались на двух балках. Подобного рода лабазы устраивали на летних стойбищах (урочища Коняк на р. Верхняя Кочема) в период, когда начинался гон у оленей. Животным специально спиливали рога, которые затем помещали на эти лабазы. Тогда же было принято складывать кости убитых крупных животных. Подобный «схрон» имел сакральное значение: по верованиям эвенков, если кости животных растащат собаки, то зверь уйдет из леса [2, л. 7 об.].

Строились и лабазы обычных типов, но культовые по назначению. Так на р. Гаженке располагался подобный лабаз на сваях, в котором хранились деревянные божки-идолы разных размеров, присутствовала и вырезанная из дерева голова человека. Примечательно, что на этой территории в 1920-х годах работала шаманка М.П. Салаткина в Икской группе эвенков [2, л. 22 об.]. Такой же лабаз с шаманскими атрибутами, инструментами и одеждой остался после смерти шамана Н.П. Коненкина на р. Мога [2, л. 38]. Такие постройки также были табуированы для местного населения. Н.П. Коненкин стремился делать свои лабазы глубоко в тайге. Недалеко от его стойбища по р. Мога был расположен еще один лабаз. В нем, как и в предыдущем, располагались одежда и атрибуты [2, л. 43].

На удалении от р. Мога, в тайге, располагался шаманский лабаз в виде избушки из колотых плах с небольшой дверкой. Примечательно, что такой лабаз-гобчик находился на земле. Внутри на стене напротив входа помещался шаманский костюм, вдоль стен стояли деревянные идолы. Около костюма помещались бубен и меховые вьючные сумы [2, л. 41 об.].

Еще один пример — схрон-гобец шамана Н.А. Бояршина. Опасаясь гонений на шаманов, характерных для региона в 1930-е гг. [12, с. 89–152], он сделал гобец на р. Локомо, в который поместил все свое шаманское имущество и атрибуты: «шаманский костюм из ровдуги, украшенный разными фигурками из беленого железа и бронзы, бубен и колотушка, разные ножи, которые использовались во время шаманства» [2, л. 30]. Также присутствовали идолы, лук, изделия из серебра. По данным Г.С. Уткина, местное население боялось трогать данный гобец, так он принадлежал шаману.

Таким образом, рассмотрев данные, собранные Г.С. Уткиным в ходе экспедиций в Катангский район в 1970–80-х гг., можно прийти к ряду выводов относительно культовых хозяйственных и погребальных сооружений эвенков. Во-первых, большинство захоронений по суеверным верованиям размещены в труднодоступных и удаленных местах, сами территории становятся табуированными для эвенков. Среди захоронений эвенков Катангского района можно выделить несколько типов: захоронения-гобчики (православные и шаманские), воздушные захоронения, захоронения-кенотафы. Нарушения правил размещения (близко к стойбищам и местам проживания) в большей степени характерны для захоронений простых эвенков.

Литература

1. Устав РГО // Всероссийская общественная организация Русское географическое общество [Электронный доступ] URL: https://www.rgo.ru/sites/default/files/upload/ustav_rgo_0.pdf (дата обращения 26.10.2019 г.).
2. Отчет по экспедиции 1978 г. // МБУК «БГОМ истории освоения Ангары». Д. ВП-1053/7.
3. Информация о работе за 1973 г. научного сотрудника Братского историко-краеведческого музея Г.С. Уткина // МБУК «БГОМ истории освоения Ангары». Д. ВП-1053/53.
4. Отчет о работе за 1980 г. научного сотрудника Братского историко-краевого музея Г.С. Уткина // МБУК «БГОМ истории освоения Ангары». Д. ВП-1053/51.
5. Полевой дневник Г.С. Уткина за 1980 г. // МБУК «БГОМ истории освоения Ангары». Д. ВП-1053/38.
6. Отчет о работе за 1982 г. научного сотрудника Братского историко-краевого музея Г.С. Уткина // МБУК «БГОМ истории освоения Ангары». Д. ВП-1053/52.
7. Конструкция погребальных сооружений эвенков-орочонов Среднего Витима // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири: Сборник научных трудов. — Иркутск: изд-во Иркутского университета, 1982. [Электронный ресурс] URL: <http://evenkitekа.ru/stellages/ethnography/konstruktsiya-pogrebalnykh-sooruzheniy-evenkov-orochonov-srednego-vitima/> (дата обращения 27.10.2019).
8. Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
9. Уткин Г.С. Древняя история земли Братской. Братск: «Ярмарка Плюс», 2004. 191 с.
10. Бережнова М.Л., Минин А.В. «Домик» — последний приют (К вопросу о генезисе надмогильных сооружений русских) // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Омск: Издательский дом «Наука», 2005. С. 195–198.
11. Отчет о работе за 1974 г. научного сотрудника Братского историко-краеведческого музея Г.С. Уткина // МБУК «БГОМ истории освоения Ангары». Д. ВП-1053/54.
12. Суслов И.М. Шаманство и борьба с ним // Советский Север. 1931. № 3–4. С. 89–152.